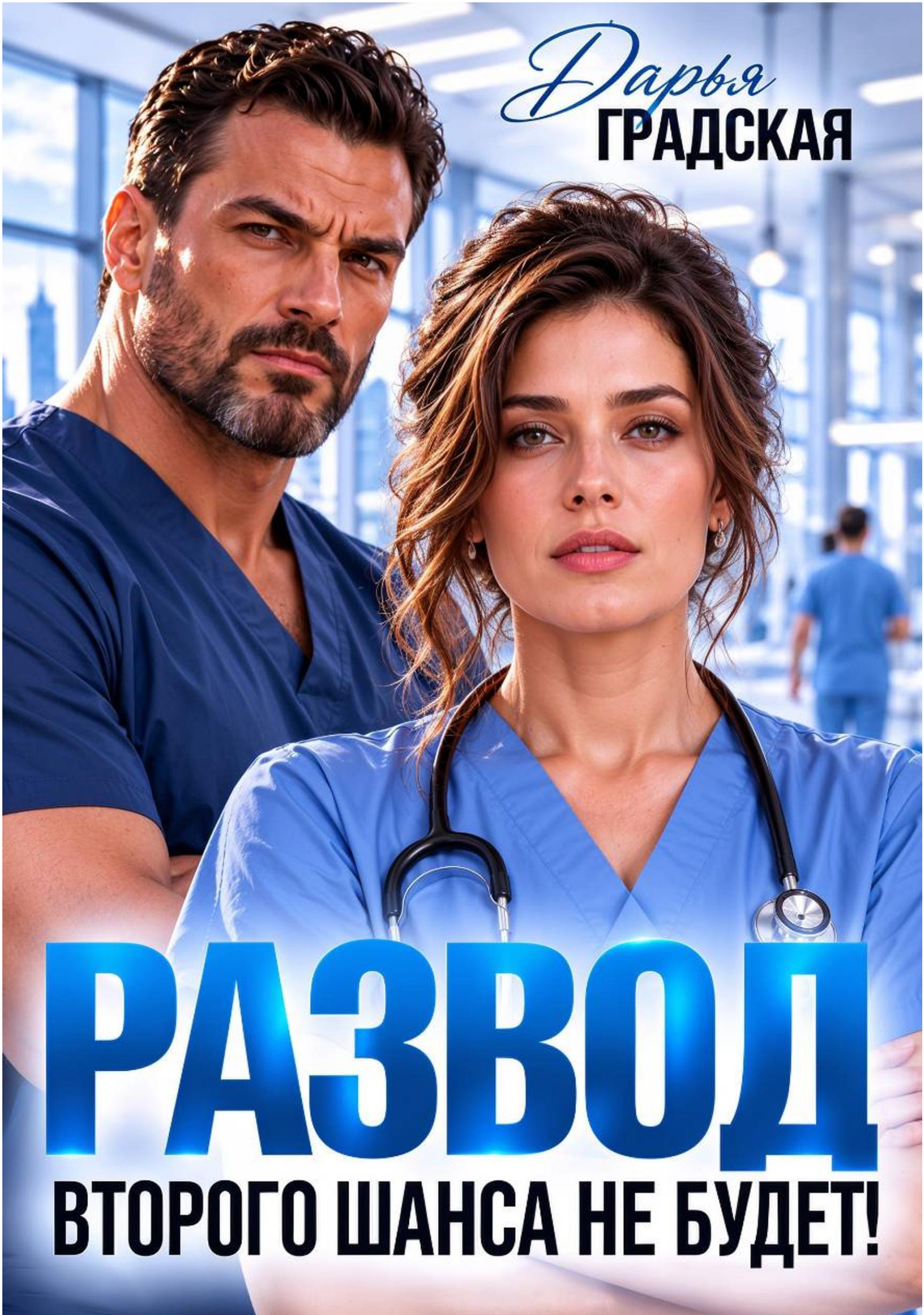
Дарья
ГРАДСКАЯ
РАЗВОД
ВТОРОГО ШАНСА НЕ БУДЕТ!

Дарья Градская

Развод. Второго шанса не будет!

«Автор»
2026

Градская Д.

Развод. Второго шанса не будет! / Д. Градская — «Автор», 2026

— Да, моя любовница беременна! — раздражённо заявляет муж. — У меня будет сын! Но разводиться с тобой я не собираюсь!— То есть ты восемь месяцев живёшь на две семьи, а я должна это терпеть?!— Марина, тебе сорок четыре! У тебя есть дом, деньги, обеспеченная жизнь! Чего тебе ещё не хватает?— Верного мужа! Но ты на эту роль больше не подходишь!Я узнаю об измене мужа в собственной больнице, куда после аварии привозят его вместе с беременной любовницей. И пока наглый предатель требует, чтобы я приняла его условия, судьба наносит мне ещё один удар

© Градская Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Дарья Градская
Развод. Второго шанса не будет!

Глава 1

Марина

— Я жду от него ребёнка, — заявляет молодая женщина, прижимая ладонь к животу. — И мы вместе. Уже давно.

Она смотрит мне прямо в глаза, словно это я должна оправдываться за своё появление.

Двадцать минут назад мне сообщили, что Вадима привезли после аварии. Я бросила записи и побежала в приёмное отделение, представляя всё самое страшное. Слишком хорошо знаю, какими словами врачи сообщают родственникам плохие новости.

Муж сидит на кушетке. Ссадина на скуле, забинтованное запястье, расстёгнутый воротник рубашки. Живой. Я только что хотела обнять его при всех, забыв о коллегах.

Теперь стою у дверей смотровой и никак не могу заставить себя подойти.

— Кристина, помолчи, — бросает Вадим.

Девушка возмущённо вскидывает подбородок. Красивая, лет тридцати, светлые волосы рассыпались по плечам, на щеке свежая царапина. Сумочка зажата под мышкой. Я замечаю её аккуратный маникюр и помятую блузку, цепляясь за мелочи, чтобы не думать об услышанном.

— Объясни, что она имеет в виду, — прошу мужа.

Он смотрит на меня привычным взглядом директора, которому мешают провести важную встречу.

— Марина, сейчас неподходящий момент.

— Для аварии он тоже был неподходящим.

Медсестра заходит в смотровую, уточняет у Вадима самочувствие. Кристину ждёт дополнительный осмотр. Я отступаю, пропуская сотрудницу. Оба в сознании, разговаривают. Испытываю облегчение, от которого становится ещё больнее.

Утром Вадим целовал меня перед работой, обещал заказать ужин. Мы шутили, что за восемнадцать лет брака он усвоил: лучший сюрприз после моей смены — готовая еда. Я провожала любимого мужа.

— Это твой ребёнок? — спрашиваю.

— Конечно, его! — встревает Кристина.

— Я спросила мужа.

Вадим отводит взгляд.

— Да. Мой.

В коридоре гремит каталка, кто-то зовёт врача. Больница живёт обычной жизнью. Одно короткое «да» разом разрушает восемнадцать лет доверия.

— Сколько времени?

— Дома поговорим.

— Срок беременности, Вадим.

— Семнадцать недель, — отвечает девушка. — И у нас будет сын.

Кристина улыбается так победно, словно давно представляла нашу встречу и ждала моих слёз.

— Ты вёз её на обследование? — спрашиваю.

— Да. Я забочусь о своём ребёнке, Марина. Надеюсь, ты не собираешься устраивать скандал из-за этого.

Вот как ловко он меняет причину разговора. Теперь получается, что я мешаю мужчине заботиться о будущем сыне.

— А обо мне ты когда собирался позаботиться? Когда рассказать правду?

— Не начинай допрос. Посмотри, в каком мы состоянии.

Он демонстративно приподнимает забинтованную руку. Ещё недавно я бы сама принесла ему воды и расспросила о боли. Сейчас хочется спросить только одно:

— Как давно ты с ней?

Вадим молчит несколько секунд.

— Это уже ничего не меняет. Ребёнка я признаю, Кристину обеспечу. Наш с тобой брак останется прежним.

Я всматриваюсь в знакомое лицо, седину у висков, маленький шрам над бровью, который когда-то целовала. Мы делили дом, радости, тревоги, планы. И он совершенно серьёзно предлагает мне жить дальше как прежде.

— Ты собирался жить на две семьи?

— Не драматизируй. У тебя есть всё, что нужно. Я тебя не бросаю.

— Вадик! — Кристина почти срывается на крик. — Ты обещал развестись!

Он раздражённо поворачивается к ней. Значит, каждой из нас он обещал своё. Как удобно устроился.

— Кристина, выйди.

— Почему это я должна выходить? Пусть знает, что мы любим друг друга!

В дверях появляется сотрудница отделения. Я делаю шаг в сторону, освобождая проход. Люди ждут медицинской помощи; семейные скандалы здесь никому не нужны. А мне впервые за годы работы хочется стать невидимой.

Вадим тянется ко мне здоровой рукой.

— Мариш, успокойся. Я всё решу.

Отступаю прежде, чем он успевает коснуться плеча.

— Ты уже решил достаточно. За всех.

Он хмурится, явно оскорблённый моей реакцией.

— Мы ещё поговорим, когда ты придёшь в себя. И прошу тебя, без спектаклей на работе.

Я замолкаю. Сейчас у меня нет сил продолжать разговор при посторонних. Для дальнейшего понадобится ясная голова.

В коридоре останавливаюсь у окна. Пожилой мужчина помогает жене выйти из такси, поправляет ей воротник пальто. Я отворачиваюсь.

Телефон вибрирует. Сообщение от Вадима: «Не делай глупостей. Я всё улажу».

Улажу. Словно речь о неудачной сделке, которую можно исправить парой звонков.

Убираю телефон в карман. Нужно возвращаться к пациентам. Перед лестницей задерживаюсь, чтобы вытереть влажные щёки.

— Марина?

Голос за спиной заставляет меня замереть.

Глубокий, немного хриплый. Когда-то я узнавала его даже среди десятков других голосов.

Обернувшись, вижу высокого широкоплечего мужчину в тёмном пальто. В руке папка с документами, у ног дорожная сумка. Он смотрит на меня пристально, словно тоже не верит своим глазам.

Я узнаю его сразу. Серые глаза, упрямая складка между бровями, знакомое движение головы.

Павел Демидов.

Двадцать лет назад он сказал, что разлюбил меня, и исчез без объяснений.

— Марина, — повторяет он и делает шаг навстречу.

И я понимаю, что сегодняшний день приготовил мне ещё один удар.

Глава 2

Марина

— Павел?

Имя срывается с губ раньше, чем я успеваю решить, хочу ли вообще его произносить.

На его висках появилась седина, у глаз залегли морщинки, зато взгляд остался прежним — внимательным, слишком прямым. Когда-то я была уверена, что знаю об этом человеке всё.

— Я не думал, что встречу тебя вот так, — произносит он.

— А как рассчитывал? С оркестром и цветами?

Говорю резче, чем собиралась. После разговора с Вадимом мне бы добраться до дома и выплакать всё, что сдержала в приёмном отделении. Вместо этого прошлое решает заглянуть на огонёк. Очень своевременно.

Павел замечает мои покрасневшие глаза и хмурится.

— Что-то случилось?

— У меня рабочий день. Здесь постоянно что-нибудь случается.

— Марина...

Как он произносит моё имя! Я почти забыла эту интонацию.

Двадцать лет назад он стоял у двери моей квартиры и говорил, что больше меня не любит. Я пыталась удержать его за руку. Он освободил пальцы, забрал куртку и ушёл. Наши планы на свадьбу, три года вместе — всё осталось со мной.

— Что ты здесь делаешь?

— Меня назначили заведующим нейрохирургическим отделением. Сегодня первый день.

Я смотрю на папку в его руке. О новом заведующем говорили на прошлой неделе. Фамилию я пропустила мимо ушей. Вот и получилась неожиданность.

— Значит, будем здороваться на планёрках.

— Я знал, что ты здесь работаешь, — признаётся Павел. — Ещё когда принимал предложение.

Вот как. Он заранее знал, а мне не оставил возможности подготовиться. Решать за двоих Павел умел ещё в молодости.

— Не переживай. На работе скандалов не устраиваю.

— Я хотел с тобой поговорить.

— Двадцать лет хотел?

Он крепче сжимает папку.

— Я должен тебе кое-что объяснить.

— Ты должен был объясниться тогда.

Павел молчит. В нашем последнем разговоре он был таким же сдержанным, пока я плакала и пыталась понять, чем провинилась.

— По рабочим вопросам обращайся, Павел. По остальным нам говорить не о чем.

Прохожу мимо. Он не пытается меня остановить. И почему-то именно это задевает сильнее всего.

В лифте поправляю размазанную тушь. Врач должен хотя бы выглядеть так, будто способен помочь другим.

В кабинете уже ждёт пациентка. Я мою руки, надеваю халат и приглашаю её на приём. Женщина тревожится из-за неприятных ощущений в кисти. Провожу осмотр, объясняю дальнейшие действия. Она успокаивается и шутит про мужа, который уверяет, будто все её болезни от слишком деятельного характера.

— А я ему говорю: замени меня на спокойную, посмотрим, сколько дней выдержишь, — смеётся она.

Я улыбаюсь, хотя в глазах внезапно щиплет. К счастью, пациентка занята документами.

— Спасибо, доктор. С вами всегда понятнее, что делать.

Когда дверь закрывается, открываю следующую карту. Работа держит меня на плаву. Здесь никто не требует с благодарностью принять беременную любовницу мужа.

Телефон на столе загорается. Вадим. Четвёртый звонок за час.

Отправляю сообщение: «Я работаю. Поговорим после смены».

Ответ приходит мгновенно: «Не смей меня игнорировать».

Между приёмами нахожу номер знакомого юриста и прошу записать меня на консультацию. Что делать с домом и общим имуществом, ещё не представляю. Зато ждать, пока Вадим решит мою судьбу, больше не собираюсь.

Ближе к вечеру он дозванивается снова. В коридоре тихо, и я отвечаю.

— Ты совсем обнаглела? — слышу вместо приветствия. — Меня после аварии осматривают врачи, а жена даже не интересуется, как я себя чувствую!

— Утром я интересовалась. Заодно узнала много нового.

— Прекрати этот цирк. Кристину обследовали, с ребёнком всё нормально. Меня скоро отпустят домой.

Он сообщает о любовнице с деловитой обстоятельностью, словно я сама попросила семейный отчёт.

— Рада, что все живы.

— Вот и хорошо. Я уже сказал Кристине, что обеспечу её и сына. Тебя это никак не касается.

— Меня касается, как долго ты мне изменял. Сколько? Полгода? Год?

— Восемь месяцев, — огрызается Вадим. — И прекрати цепляться к цифрам.

Восемь месяцев. Всё это время он возвращался ко мне домой, говорил, что любит, и спокойно засыпал рядом.

— Марина, я понимаю, тебе неприятно. Но у нас взрослая семья, а ты ведёшь себя как девчонка. Вернусь домой, всё обсудим и на этом закончим.

— Нет, Вадим. Я подаю на развод.

После паузы он смеётся. Таким смехом муж обычно встречает предложения партнёров, которых считает безнадёжно наивными.

— Куда ты денешься? У тебя дом, муж, привычная жизнь. Подуешься и успокоишься.

— Проверим.

Отключаюсь.

Домой еду затемно. Утром я поправляла Вадиму галстук, а он обнимал меня за талию и обещал заказать ужин. Через несколько часов вёз беременную Кристину на обследование.

У дома смотрю на освещённые окна. Мы вместе выбирали цвет стен, спорили из-за дивана, смеялись из-за пустяков. Эти воспоминания настоящие. Оттого больнее знать, как долго муж мне лгал.

В спальне достаю дорожную сумку. Складываю одежду, документы, лекарства. Снимаю обручальное кольцо и кладу в шкатулку. На пальце остаётся светлая полоска.

Из прихожей доносится поворот ключа в замке.

— Марина! Я дома!

Выхожу с сумкой в руке. Вадим снимает пальто, смотрит на меня с искренним недоумением.

— Это что ещё такое?

— Уезжаю.

Он замечает мою руку без кольца. Лицо темнеет.

— Поставь вещи на место. Мы ещё даже нормально не разговаривали.

— Ты сказал достаточно.

Вадим подходит ближе. От него пахнет знакомым одеколоном. Ещё вчера этот запах означал, что любимый человек вернулся домой.

— Ты сейчас устроишь спектакль, а завтра прибежишь обратно? Учти, Марина, если решила уходить, на мои деньги можешь не рассчитывать.

Я перехватываю ручку сумки.

Восемнадцать лет он называл этот дом нашим. Похоже, теперь мне предстоит узнать, что ещё муж считает исключительно своим.

Глава 3

Марина

— На твои деньги? — переспрашиваю я, глядя на Вадима. — Ты правда думаешь, что за восемнадцать лет я так и не научилась зарабатывать?

На скуле у Вадима багровеет ссадина, рука перевязана. Несколько часов назад я боялась потерять его. Теперь он угрожает оставить меня без денег, если не приму его любовницу.

— Марина, не передёргивай. Я говорю о нашем уровне жизни. Ты привыкла ни в чём себе не отказывать.

— Я работаю врачом. И ты прекрасно знаешь, сколько получаю.

— На свою зарплату этот дом ты бы не содержала.

— Дом мы будем обсуждать с юристом. Сегодня я забираю личные вещи.

Иду за пальто, Вадим преграждает дорогу.

— Ты вообще соображаешь, что делаешь? Я только из больницы! У меня рука болит, голова раскалывается. А ты с чемоданом стоишь.

В обычный день я бы проследила, чтобы он поел, принял назначенные лекарства и лёг отдыхать. Привычка заботиться о нём ещё жива, и от этого особенно противно.

— У тебя есть выписка. Если станет хуже, вызови врача. Я сейчас не могу о тебе заботиться.

Вадим усмехается:

— Великолепно. Вот какая у меня жена. Стоило узнать про ребёнка — сразу бросает больного мужа.

— Я узнала про восемь месяцев лжи. Ребёнок ни в чём не виноват.

Он морщится, словно я слишком громко разговариваю. Потом вдруг меняет тон и тянется ко мне здоровой рукой.

— Мариш, послушай. Ну увлёкся. Бывает. Я ведь к тебе возвращался каждый вечер. Наш дом, наша семья всегда были для меня главными.

В воскресенье он похвалил мой пирог и ушёл «по делам». Теперь я понимаю, какие дела занимали его последние месяцы.

— Ты оставался со мной, потому что тебе было удобно, — произношу я. — А ей обещал развод.

— Кристина беременна. Приходилось её успокаивать. Ты же понимаешь, какие у женщин бывают настроения в таком положении.

Значит, каждой из нас он обещал то, что помогало удержать её рядом.

— Она знает, что ты не собираешься уходить от меня?

— Теперь знает. И это я тоже улажу.

— Без моего участия.

Вадим отступает и принимается ходить по прихожей, поглядывая на сумку. Я натягиваю пальто.

— Мы могли бы всё решить прилично. Я обеспечу ребёнка, сниму ей квартиру получше. Мы с тобой продолжим жить как раньше. Зачем тебе развод в сорок четыре года? Кому ты этим что докажешь?

Возраст он произносит с особенным нажимом. Успел завести вторую семью, попасть с ней в аварию и теперь упрекает меня цифрой в паспорте.

— Никому. Я хочу жить без твоей лжи.

— Все так красиво говорят, пока не начинают считать расходы. Отдельная квартира, коммуналка, машина... Ты привыкла, что этим занимаюсь я.

— А ты привык, что я верю каждому твоему слову.

Вадим останавливается.

— Смотри, Марина. Уйдёшь сейчас — обратно просто так не вернёшься. Я тоже человек с гордостью.

Он ждёт, когда я испугаюсь, поставлю сумку на пол и спрошу, что приготовить ему на ужин.

Я снимаю с крючка ключи от машины.

— Тогда нам обоим будет проще.

Его лицо краснеет.

— И куда ты собралась посреди ночи?

— В гостиницу. Завтра найду квартиру.

— Только попробуй опозорить меня перед знакомыми! Скажешь, что мы решили пожить отдельно. Никаких подробностей.

— За свою репутацию отвечай сам.

Вадим резко отворачивается. Телефон в кармане его брюк начинает звонить. Он вынимает аппарат, смотрит на экран и сбрасывает вызов. Почти сразу раздаётся второй.

— Возьми, — предлагаю. — Вдруг Кристине нужна помощь.

— Я потом перезвоню.

— Она после аварии. Беременна. Ты так переживал за ребёнка, что даже меня просил понять.

Он отвечает. Из трубки доносится возмущённый женский голос. Слышу своё имя.

— Я дома, — раздражённо произносит Вадим. — Нет, сейчас не приеду. Кристина, прекрати! Мы договорились, что сегодня ты ночуешь у себя.

В нашем доме Вадим оправдывается перед другой женщиной за своё присутствие.

Я застёгиваю пальто, поднимаю сумку и выхожу. Вадим продолжает спорить по телефону. Впервые за много лет он даже не провожает меня до двери.

В машине не сразу удаётся завести двигатель: дрожат пальцы. Смотрю на освещённые окна дома, который ещё утром считала своим убежищем. Завтра Вадим проснётся там и, наверное, снова решит, что жена скоро вернётся.

Я завожу двигатель.

В гостинице беру небольшой номер. На стене висит безликая картина, на столике стоит электрический чайник. Здесь ничто не напоминает о Вадиме.

Среди вещей обнаруживаю серый шарф Вадима. Случайно взяла вместе со своим. Убираю его в пакет — завтра верну.

Юрист отвечает на дневное сообщение, предлагая консультацию. Подтверждаю запись и ищу квартиру неподалёку от больницы. За день это первое дело, которым распоряжаюсь только я.

Вспоминаю Павла и его слова: «Я должен тебе кое-что объяснить». Двадцать лет назад я умоляла его поговорить. Теперь слушать не готова.

Как теперь работать с ним в одной больнице, даже представить трудно.

Экран снова загорается. Сообщение от Вадима.

«Утром приезжай. Поговорим без истерик».

Следом приходит ещё одно:

«И забери всё, что тебе нужно, сразу. Кристина сказала, что завтра перевезёт свои вещи. Я не собираюсь выслушивать ваши сцены».

Перечитываю дважды.

Я ещё не привыкла к жизни без мужа, а он уже впускает другую женщину в наш дом.

Открываю переписку и печатаю ответ:

«Приеду за своими вещами. Кристину предупреди: хозяйкой моего имущества она пока не стала».

Отправляю и кладу телефон экраном вниз.

Завтра мне предстоит встретиться с женщиной, которая уверена, будто получила всё, что у меня отняла.

Глава 4

Марина

— Эти книги можете пока выставить в коридор, — распоряжается Кристина, когда я открываю дверь собственного дома. — Потом решим, куда их деть.

Перед моей рабочей комнатой стоят две картонные коробки. Из одной торчит угол медицинского атласа, из другой выглядывает рамка с фотографией выпускного курса. Кристина держит в руках рулетку и объясняет молодому сборщику мебели, где лучше поставить детскую кроватку.

— Поставьте коробку на пол, пожалуйста, — прошу мужчину, который уже собирается вынести мои книги.

Он растерянно смотрит на Кристину. Та сияет.

— Марина! А Вадик сказал, ты только вечером приедешь. Мы тут немного обустраиваемся.

— Я предупредила его, что приеду утром. И мне интересно, кто разрешил трогать мои вещи.

— Он разрешил. — Кристина ласково гладит живот. — Здесь будет детская. Самая светлая комната, представляете? Для малыша это важно.

До родов ещё несколько месяцев, а Кристина уже распределяет полки в моём шкафу.

— С детской вы поторопились. Не трогайте мои вещи.

Прошу мастера оставить коробки. Он с облегчением уходит в гостиную.

— Зачем усложнять? Ты же съехала. Не собираешься тут жить, правда? Вадим сказал, что отдаст тебе деньги на квартиру.

— Передай Вадиму, что с квартирой я справлюсь. А наш дом мы будем делить по закону.

— Это дом Вадима. Он его покупал.

— Мы приобрели дом в браке. Я знаю, когда и за какие деньги. Так что обсуждать мою долю с тобой бессмысленно.

Прохожу в комнату. На моём столе сдвинуты бумаги, рядом лежит каталог детской мебели с закладкой «Кроватка мечты».

Перекладываю каталог на подоконник. Здесь я готовилась к конференциям, а Вадим приносил мне чай и спрашивал, когда закончу работу. От воспоминания больнее, чем от наглости Кристины.

Укладываю в сумку документы, сертификаты и книги, нужные для работы. Остальное пока оставляю.

— Ой, а это ты тоже забираешь? — Кристина появляется в дверях и указывает на небольшую шкатулку. — Я думала, украшения Вадим тебе дарил. Значит, они тоже его деньги.

В шкатулке лежат серьги, купленные после моей первой профессиональной премии.

— Эти серьги мои. К тому же чужие украшения обсуждать неприлично.

— Ну извини! Просто ты, смотрю, всё ценное забираешь. А нам ребёнка растить.

Я закрываю крышку.

— На содержание вашего ребёнка у него есть отдельная ответственность. Мои вещи к ней отношения не имеют.

Кристина краснеет и хватает телефон.

— Сейчас Вадиму позвоню. Пусть он объяснит, как тут всё будет.

— Обязательно. Мне тоже интересно послушать.

Пока она звонит, фотографирую коробки и комнату. Похоже, придётся привыкать фиксировать даже очевидные вещи.

Вадим появляется через десять минут. Рука перевязана, на лице раздражение.

— Что опять случилось? — спрашивает он с порога. — Марина, неужели трудно спокойно забрать своё и уйти?

— Трудно, когда моё уже начали выносить без спроса.

Кристина тут же прижимается к нему и жалуется, что я не даю подготовить комнату для ребёнка. Вадим обнимает её за плечи. Ещё позавчера эти руки обнимали меня на нашей кухне.

Прижимаю папку к груди. Больно смотреть, как свободно он обнимает её в нашем доме.

— Марина, ты сама решила съехать, — объявляет муж. — Комнату всё равно придётся освободить. Кристине нужен покой, а не твои придирки.

— Освобожу свои вещи тогда, когда организую переезд. И прошу больше ничего не трогать без моего согласия.

— Ты начинаешь качать права? — Вадим прищуривается. — Дом оформлен на меня. Я здесь хозяин.

— Он куплен, когда мы были женаты. Ты это прекрасно знаешь.

— Вот этим теперь и будем заниматься? Судиться за каждый стул? Я предлагал тебе расстаться по-хорошему.

— По-хорошему — это когда ты распоряжаешься всем и ждёшь моего согласия?

— Я сам решу имущественный вопрос, — отрезает Вадим. — Мой юрист подготовит бумаги. Получишь разумную сумму, снимешь жильё и начнёшь новую жизнь. Только без бесконечных претензий.

— Бумаги сначала посмотрит мой адвокат.

— Ты уже побежала жаловаться чужим людям?

— Я записалась на консультацию. И теперь вижу, что не зря.

Застёгиваю сумку. Кристина смотрит победно, словно я уступила ей дом одним своим уходом.

В прихожей задерживаюсь перед свадебной фотографией. На снимке Вадим обнимает меня и улыбается. Оставляю её висеть.

К адвокату приезжаю с документами и снимками комнаты. Она уточняет, когда куплен дом и на кого оформлен, спрашивает про брачный договор.

— Устные обещания мужа ничего вам не гарантируют, — поясняет она. — Если дом приобретён в браке и нет обстоятельств, меняющих его правовой режим, запись на имя супруга сама по себе не лишает вас прав. Но нам нужны документы, а любое соглашение о разделе следует внимательно изучить до подписания.

— А если он откажется разводиться?

— Тогда обращаемся в суд. Раздел имущества можем решать отдельно. Пока подготовим необходимые документы и зафиксируем вашу позицию по дому.

Перед уходом получаю сообщение от Вадима: «Юрист готовит соглашение. Подпишешь отказ от претензий на дом — получишь деньги. Других предложений не будет».

Показываю экран адвокату. Она внимательно читает и просит переслать сообщение.

— Хорошо, что вы пришли сейчас. Дальше действуем официально. Без проверки ничего не подписывайте.

Вчера Вадим был уверен, что я вернусь сама. Сегодня уже назначил цену моего ухода.

Я перечитываю сообщение и закрываю переписку. Пусть Вадим готовит своё соглашение. Мою подпись под ним он ещё не получил.

Глава 5

Марина

— Если я ещё раз уроню чашку, дочь привяжет её мне к руке, — предупреждает Майя Петровна и пытается улыбнуться.

Женщине шестьдесят два года, она поступила ночью после падения дома. Несколько месяцев немеют пальцы, всё труднее застёгивать пуговицы, а за последнюю неделю появилась неуверенность при ходьбе. В поликлинике ей советовали лечить шею и больше отдыхать.

— Что беспокоит сильнее всего? — спрашиваю.

— Ноги стали чужими. Вчера пошла за полотенцем, а пол вдруг оказался где-то сбоку. Хорошо, дочь рядом была.

Осматриваю пациентку, прошу выполнить несколько движений. Сила в кистях снизилась, пальцы заметно неловкие, рефлексы изменены. За жалобами на шею скрывается проблема, которую нельзя оставлять без внимания.

— Нам нужно дополнительное обследование, Майя Петровна. И консультация нейрохирурга.

— Операцию, что ли? — пугается она.

— Пока рано об этом говорить. Сначала выясним причину.

Когда выхожу из палаты, телефон показывает два сообщения Вадима. Первое — фотография какого-то соглашения, второе — требование приехать вечером и подписать бумаги. Видимо, документы становятся убедительнее, если присылать их вместо извинений.

Пересылаю всё адвокату. Вчера Кристина уже выбирала в моём доме место для детской кроватки, а Вадим назначал цену моего ухода. Сегодня у меня есть работа, пациенты и собственные решения.

К обеду получаю результаты обследования. На снимках видна выраженная компрессия спинного мозга в шейном отделе. Звоню в нейрохирургию, объясняю ситуацию и прошу консультацию. Через четверть часа открывается дверь ординаторской.

— Где пациентка с нарушением ходьбы? — спрашивает Павел.

Сегодня он в медицинском костюме, и от этого выглядит ещё непривычнее. При первой встрече его пальто хотя бы позволяло надеяться, что встреча больше не повторится. Теперь передо мной заведующий отделением, с которым придётся работать.

— Шестьдесят два года, состояние ухудшается. Результаты на экране, осмотр в карте.

Павел подходит к монитору, изучает изображения, задаёт несколько точных вопросов. Мы обсуждаем симптомы, скорость ухудшения, дальнейшее лечение. Он ни разу не перебивает меня и не пытается объяснить мне мою работу.

— Хорошо, что обратила внимание на изменения рефлексов, — произносит он. — Если бы ограничились лечением боли в шее, потеряли бы время.

— Я бы предпочла, чтобы пациентка вообще не дошла до падений.

— Я тоже. Пойдём к ней?

Майя Петровна при виде высокого мужчины в медицинском костюме настороженно выпрямляется.

— Доктор, вы только не пугайте меня.

Павел придвигает стул и представляется. Спокойно объясняет, что обследование выявило сдавление спинного мозга. Рассказывает о возможной операции, её целях и рисках, не обещая чудесного выздоровления.

— А если откажусь? — спрашивает пациентка.

— Решение останется за вами. Моя задача — объяснить, чем опасно дальнейшее ухудшение и какие варианты лечения мы можем предложить.

Она долго смотрит на руки.

— Я внучке обещала научить её вязать. А теперь сама спицы удержать толком не могу.

Павел не торопит. Отвечает на вопросы и предлагает пригласить дочь для обсуждения. Я вижу, как у Майи Петровны постепенно проходит паника. Она всё ещё боится, зато теперь понимает происходящее.

— Ладно, — решает наконец. — Дочку позову. Послушаем вас вместе.

В коридоре Павел останавливается у окна.

— Спасибо, что быстро направила её.

— Это моя работа.

— Знаю.

В голосе нет снисхождения. Когда-то он радовался моему поступлению в ординатуру. Тогда мы собирались стать хорошими врачами и пожениться. Врачами оба стали. Со свадьбой вышло хуже.

— Ты хороший нейрохирург, — признаю я.

У него появляется короткая улыбка.

— От тебя это особенно приятно слышать.

— Я оцениваю исключительно профессиональные качества.

— Тогда вдвойне.

Я едва не улыбаюсь в ответ и сразу вспоминаю, чем закончилась наша прежняя близость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.